

Константинова Алла Юрьевна

канд. филол. наук, доцент, профессор
ФГБОУ ВО «Государственный институт
русского языка им. А.С. Пушкина»

г. Москва

В ПОИСКАХ ТЕОРИИ КОММУНИКАТИВНОГО ЖАНРА

***Аннотация:** в статье излагаются проблемы теории речевого жанра. Затрагиваются её сложные и нерешенные вопросы. Автором предлагается определение и путь описания коммуникативного жанра как интегральной полисемiotической единицы общения.*

***Ключевые слова:** речевой жанр, коммуникативный жанр, общение, диалогичность, модель коммуникативного жанра, высказывание.*

Современное состояние антропоцентрической лингвистики сделало очень наглядным нелинейный характер её развития. Это утверждение прежде всего справедливо по отношению к теории речевого жанра.

Несмотря на то, что идея М.М. Бахтина о сопоставимости роли речевого жанра в жизни и деятельности человека с ролью родного языка захватила сознание учёных практически во всём мире, сама природа этого феномена, его определение всё ещё ускользают от исследователей. Современное развитие теории РЖ, по справедливому выводу М.Ю. Федосюка идёт с негласной ревизией концепции М.М. Бахтина [2; 6].

Для того, чтобы понять основания и тем самым оправданность или неоправданность такой ревизии, приведём слова учёного, показав параллелизм тех единиц, которые легли в основу его концепции: «... говорящему даны не только формы общенародного языка ..., но и обязательные для него формы высказывания, то есть речевые жанры, ... мы отливаем нашу речь по определённым жанровым формам. Эти речевые жанры даны нам почти так же, как нам дан родной язык, ... речевые жанры входят в человеческое сознание вместе с языком.

Научиться говорить значит научиться строить высказывания. Мы говорим отдельными высказываниями, а не отдельными словами и предложениями ...» (курсив наш – А.К.) [2, с. 257–259].

Из этого концептуального рассуждения М.М. Бахтина, являющегося одновременно фрагментом заочного спора с В.В. Виноградовым, становится понятным и суть единиц его металингвистики – *высказывания, речи, речевого жанра* – и параллелизм процессов моделирования («отливаем речь по ... жанровым формам», так же, как предложения, т.е. «формы общенационального языка»). Иначе говоря, речь идёт о процессах моделирования как единиц языка, так и единиц речи, главной из которых является *высказывание*.

Термином *форма* учёный обозначает то, что мы теперь называем *моделью* и, значит, упрекать его в нестрогости определения речевого жанра как *формы* высказывания наряду с определением данного феномена как *типа* высказывания нет серьёзных оснований, как нет противоречия и в использовании терминов, и самом принципе моделирования [7].

Точно так же можно не обнаружить противоречий в том, что бахтинский речевой жанр реализуется высказыванием, а не текстом. Противоречие существует, если исходить из того, что текст всегда больше одного высказывания, поскольку диалог – это общение двух и более участников, или акторов. Если же текст – это нечто другое, а высказывание диалогично по определению, то противоречие снимается.

Если обобщить взгляды М.М. Бахтина, формирующие контекст создания им теории речевых жанров, то их можно представить в следующих положениях:

- 1) язык семиотичен и при этом социален;
- 2) язык диалогичен по своей природе;
- 3) язык реализуется в социальном речевом взаимодействии (индивидуальные высказывания тоже всегда социальны, так как носителем социальности является личность);
- 4) основной единицей речи является высказывание: именно высказывание творит сам язык;

5) высказывание оценочно, но сама оценка не входит в языковое значение (слово у М.М. Бахтина «нейтрально» к идеологической функции);

б) задача лингвистики – изучение речевого взаимодействия, а не только системы языка;

7) *язык-речь* – такое единство, в котором обе его стороны равны и одинаково релевантны как для носителя, так и для исследователя данного феномена.

Для адекватного понимания и толкования концепции речевых жанров М.М. Бахтина важна его теория высказывания. Эта теория формировалась на протяжении всей жизни учёного. В своих отдельных положениях она изложена во всех его работах (литературоведческих и собственно лингвистических), связанных с исследованием текста [1].

Согласно этой концепции, диалогичность языку сообщает высказывание. Высказывание является основной единицей речи. Оно диалогично по своей сути. Высказывание не может быть монологичным, потому что оно всегда кому-то адресовано, а адресат не может быть инертным объектом. Адресат всегда активен уже в силу активности своего восприятия высказывания *другого* и готовности к ответной реакции. Таким образом, диалогичность относится к базовым свойствам высказывания.

Нужно заметить, что концепция диалогизма М.М. Бахтина не ограничивается исследованием диалогизма высказывания. Он понимает этот термин весьма широко: это и диалог высказываний, и диалог сознаний говорящих, и диалог текстов больших произведений. Из этого понимания вытекает одно специфическое свойство диалогичности высказывания, по М.М. Бахтину: высказывание *внутренне диалогично*, оно не требует двух акторов. Актор может быть один (это внешний монологизм), а диалог всё равно осуществляется, как и осуществляется речевое взаимодействие, в том числе автовзаимодействие. В этой же логике высказывание всегда интенционально, т.е. в терминологии автора всегда имеет «речевой замысел». И сама речь, состоящая из высказываний, всегда диалогична, т.е. представляет собой социальное взаимодействие, осуществляемое с помощью языка, реализующего свою коммуникативную функцию.

Уточнение данной теории вполне оправдано в тех случаях, когда существуют лакуны в теории, параллелизм или наложение понятий.

Известно, что живая речь, текст, дискурс, диалог, коммуникация изучались параллельно практически весь 20-й век между тем, как рамки самой лингвистики до 80-х годов оставались жёсткими. В этой ситуации почти каждое из перечисленных понятий оказывалось «больше самого себя». Речи, тексту и диалогу по сути приписывались свойства естественной коммуникации. Это был вопрос терминологии доминирующих на данном отрезке времени концепции или лингвистической традиции.

В настоящее время возникает потребность в продолжении поиска столь трудно определяемого понятия как жанр на фоне развития коммуникативной лингвистики и теории общения [5]. Как представляется, коммуникативная лингвистика, включающая теорию общения, а не противопоставленная, ей должна оперировать «своей» высшей интегративной единицей – *коммуникативным жанром* подобно тому, как ТРА – *коммуникативным актом*.

Исходя из этого, мы предлагаем следующее определение коммуникативного жанра.

Под коммуникативным жанром понимается двусторонняя единица, одной стороной которой является устойчивый ментальный образ, каноническая или стандартная модель вербального и/или невербального воплощения ведущей интенции высказывания, а другой стороной – реализации этой модели в реальной коммуникации.

Такое определение коммуникативного жанра, на наш взгляд, перекликается с мыслью М.М. Бахтина о схожести организующей функции речевого жанра и грамматики. Представление этой единицы на разных уровнях абстрагирования тоже вписывается в общую практику моделирования языковых и речевых единиц.

Введение в модель канонического и стандартного образца связано с принятым в этой работе пониманием производящей базы коммуникативных жанров.

Она не ограничивается рамками социального общения, регулируемого конвенциями и этическими нормами, а вынужденно вбирает в себя асоциальную реальность общения.

В моделях коммуникативных жанров этот факт находит свое выражение в типах образцов. Модель коммуникативного жанра, в основе которой лежит канонический образец интенционального высказывания, обобщает факты социального общения, в то время как модель, в основе которой лежит стандартный образец, обобщает факты асоциального общения. Асоциальное общение отвергает социальные ценности, разрушает социальные связи, однако так же, как приемлемые обществом формы общения, транслируется по горизонтали современникам и по вертикали – потомкам. Эта трансляция осуществляется в типичных коммуникативных жанрах, названных нами *маргинальными* в отличие от *институциональных* и *конвенциональных*.

Одним из перспективных способов и направлений описания коммуникативных жанров может быть параметрирование. Оно позволяет провести их последовательную классификацию на основе выделения наиболее значимых доминантных признаков. Кроме того, выделение дифференциальных и интегральных признаков отдельных жанров позволяет решить сложный вопрос их тождества и вариантности, обнаружить границу нарушения тождества жанра или группы жанров.

Принципиально важно учитывать, что деление речевых жанров М.М. Бахтина на *первичные* и *вторичные* не носит механического характера и тем более не является прямым указанием на необходимость поиска их названий через внешние простые единицы типа перформативов. Последнее противоречит самой идее бахтинского диалогизма.

Речевые жанры, как подчеркивал учёный, создаются опытом общения поколений. Значит, они, транслируясь, тем самым фиксируются и самой культурой, и маргинальными проявлениями общения за её пределами.

Параметр коммуникативного жанра или набор таких параметров может носить недифференцирующий, дифференцирующий или интегральный характер.

Так параметр *объёма* текста может оказаться недифференцирующим для ряда жанров, таких, например, как *предложение, просьба, возмущение, электронное письмо* и др. В то же время он может быть дифференцирующим или интегральным для других коммуникативных жанров. Например, *статья, доклад, выступление в дискуссии, объяснение, уговаривание* и др. не могут быть элементарными.

Подчеркнем, что коммуникативные жанры являются не доречевой версией моделирования жанра, а его высшей, как правило, полисемиотической единицей, имеющей или не имеющей вербальное воплощение [4].

Коммуникативные жанры не всегда закреплены, как предполагал М.М. Бахтин, и за сферой общения.

Так, *статья, доклад, экспертное заключение, дискуссия, аргументация* и др. могут быть если не универсальными, то во всяком случае весьма свободными с этой точки зрения. Иначе неизбежно их дублирование по сферам. К тому же многие из коммуникативных жанров характерны не только для интракультурного, но и для межкультурного общения.

Параметрирование коммуникативных жанров связано с опытом описания данного феномена на междисциплинарном уровне в силу их большой сложности. Комплексность и многоаспектность описания модели, на наш взгляд, вовсе не означает при этом понижения роли собственно лингвистической составляющей. Признание коммуникативного жанра самым надёжным источником социологических исследований наряду с имеющимся в практике описания речевых жанров креном в сторону прагматики и теории информации – повод для активности самих лингвистов в утверждении приоритета лингвистического компонента в ходе моделирования данной единицы человеческого общения [3; 8].

Список литературы

1. Алпатов В.М. Волошинов, Бахтин и лингвистика / В.М. Алпатов. – М.: Языки славянских культур, 2005.
2. Бахтин М.М. Проблема речевых жанров / М.М. Бахтин // Эстетика словесного творчества. – М.: Искусство, 1979. – С. 237–280.

3. Галанова О.Е. Коммуникативный жанр как методологический концепт изучения форм социального взаимодействия / О.Е. Галанова // Социологические исследования. – 2010. – №4. – С. 80–86.

4. Галочкина Е.А. Информационно-регулятивные знаки как коммуникативный жанр (на материале шведского и русского языков). АКД. / Е.А. Галочкина. – М., 1995.

5. Константинова А.Ю. Теория речевого жанра. В тупике или на распутье? / А.Ю. Константинова // XII Конгресс международной ассоциации преподавателей русского языка и литературы. Русский язык и литература во времени и пространстве. – М., 2011. – С. 75–78.

6. Федосюк М.Ю. Нерешённые вопросы теории речевых жанров / М.Ю. Федосюк // ВЯ. – 1997. – №5.

7. Шмелева Т.В. Модель речевого жанра / Т.В. Шмелва // Жанры речи. – Саратов: Колледж, 1997. – Вып. 1. – С. 55–95.

8. Luckmann T. Grundformen der gesellschaftlichen Vermittlung des Wissens: Kommunikative Gattungen // Kolner Zeitschrift fur Soziologie und Sozialpsychologie. – Sonderheft 27, 1986. – S. 191–211.